

DOI: 10.31696/S086919080036037-7

ИНВОЛЮЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

© 2026

С.В. МАЖИНСКИЙ ^а

^а – НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-3398-8559; smazhinskiy@hse.ru

Резюме: Статья посвящена одному из самых актуальных социальных явлений современного Китая – инволюции. Данное слово появилось в общественном дискурсе в 2017 г. и не теряет своей актуальности по сей день. Инволюция в социально-культурном измерении китайского общества означает нерациональную конкуренцию, соперничество до полной победы. Это влечет за собой обостренную социальную конкуренцию, которая приводит китайское общество в состояние усталости и формирует определенную модель социального поведения. В статье рассмотрена история возникновения понятия и появление его в китайской науке, а затем и в китайском общественном дискурсе. Понимание инволюции как социального и культурного явления позволяет обозначить ее особенности, такие как: шаблонность, конкуренция, сверхусилие, иррациональное потребление, получение ограниченных ресурсов, а также обозначать ее механику, которая построена на манифестации социальных позиций. Инволюция в современной системе образования представляет также существенную проблему не только для учеников средних школ и студентов университетов, но и для профессорско-преподавательского состава. Из-за этого в сфере образования усиливается конкуренция не только между учениками, но и преподавателями. Некоторая часть вузов Китая вводит обусловленные инволюцией правила для сотрудников, которые увеличивают нагрузку как на аспирантов, так и для преподавателей. Это обстоятельство заставляет некоторых университетских работников покидать вузы, что делает профессию университетского преподавателя непривлекательной для молодежи. Кроме того, в статье представлена и культурная составляющая, которая раскрывает и обозначает роль такого важного явления в китайском обществе как «лицо» и его место в процессе социальной инволюции. Также в исследовании представлены достоинства и недостатки инволюции в политике, культуре и образовании. Тема инволюции рассмотрена через призму как научного, так и общественного дискурса, что позволило обозначить ее всестороннее присутствие в современном социальном пространстве современного Китая.

Ключевые слова: Китай, инволюция, общество, социальное поведение, конкуренция

Для цитирования: Мажинский С.В. Инволюция как социокультурный феномен современного Китая. *Восток (Oriens)*. 2026. № 1. С. 218–230. DOI: 10.31696/S086919080036037-7

INVOLUTION AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON
OF CONTEMPORARY CHINA

© 2026

Stanislav V. MAZHINSKY ^a^a – HSE University, Saint-Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0002-3398-8559; smazhinskiy@hse.ru

Abstract: *The article is devoted to one of the most pressing social phenomena in modern China – involution. This term appeared in public discourse in 2017 and has not lost its relevance to this day. Involution in the socio-cultural dimension of Chinese society means irrational competition, rivalry until complete victory. This entails heightened social competition, which brings Chinese society to a state of fatigue and forms a certain model of social behavior. The article examines the history of the concept and its appearance in Chinese science and public discourse. Understanding involution as a social and cultural phenomenon allows us to identify its features, such as: stereotypes, competition, extra-effort, irrational consumption, obtaining limited resources, and also helps to designate its mechanics, which is built on the manifestation of social positions. Involution in the modern education system represents a significant problem not only for high school and university students, but also for the teaching staff. Some of the universities in China introduce involution-related rules for employees, which increase the workload of both graduate students and teachers. In addition, the article also presents a cultural component that reveals and designates the role of such an important phenomenon in Chinese society as “face” and its place in the process of involution. The study also presents the advantages and disadvantages of involution in politics, culture and education. The topic of involution is considered through the prism of both academic and public discourse, which made it possible to designate its comprehensive presence in the social space of contemporary China.*

Keywords: China, involution, society, social behavior, competition

For citation: Mazhinsky S.V. Involution as a Socio-Cultural Phenomenon of Contemporary China. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 1. Pp. 218–230. DOI: 10.31696/S086919080036037-7

Каждый год в национальных языках появляется много новых слов и выражений. В 2020 г. китайские ученые зафиксировали небывалый рост неологизмов в социальных сетях. Одним из таких слов стала «инволюция» (нэйцзюань – 内卷), спровоцировавшая оживленные обсуждения и споры как среди молодежи, так и среди старшего поколения [Лю, 2020].

Данный термин появился в общественном лексиконе Китая благодаря социальным наукам и стал использоваться практически при каждом случае описания острой конкуренции, внутреннего выгорания или чрезмерного внутреннего усилия. В китайском социуме инволюция на простом бытовом уровне проявляется как конкуренция студентов за оценки и показатели, работников офисов и предприятий за повышение в должности и высокую зарплату, между школьниками за посещение дополнительных уроков, секций и высокий балл на выпускном экзамене [Лю, 2020].

Проблематика инволюции особенно остро проявилась в молодежной среде, которая и вывела данное понятие в интернет-пространство и СМИ. Это понятие широко обсуждается среди ученого сообщества Китая, где поднимаются вопросы о его влиянии и динамиках в современном китайском обществе.

Целью данного исследования является рассмотрение особенностей инволюции не только с позиции внутренних процессов как феномена, но и с позиции ее функционирования в политической, социальной и культурной сферах. Исследование инволюции также поднимает вопрос о внутренних движущих силах, которые позволяют существовать данному феномену в современном Китае.

ИНВОЛЮЦИЯ: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОМУ СОСТОЯНИЮ

Понятие инволюции было впервые сформулировано в рамках культурной антропологии американским этнографом и антропологом русского происхождения А. Гольденвейзером в 1936 г. [Goldenweiser, 1936, p. 99–104]. Работая с традиционными обществами Северной Америки, он определил это явление как модель культуры, которая, достигнув окончательной формы, не может ни стабилизироваться, ни трансформироваться в новую модель. Культурная модель продолжает развиваться, становясь внутренне все более сложной [Goldenweiser, 1937, p. 414, fn. 4].

Также А. Гольденвейзер выделил некоторые особенности данного явления. В частности, он отметил, что главный эффект данной модели состоит в сдерживании ее развития или ее ограничении. Когда форма модели сформирована, то дальнейшие качественные изменения по приданию устойчивости прекращаются. Более того, функционирование модели происходит на основе множественности и комбинаций одного шаблона. Именно такая форма действия приводит к прогрессирующему усложнению модели, появлению разнообразия в единообразии [Goldenweiser, 1937, p. 81–82].

Во второй половине XX в. американский антрополог и социолог Клиффорд Гирц, описывая устройство крестьянского общества на острове Ява, использовал понятие инволюции в своей работе. Он сформулировал понятие «инволюция сельского хозяйства» (*agricultural involution*). Гирц заметил, что крестьяне Явы долгое время увеличивали затраты труда в процессе выращивания риса, но они не только не приводили к пропорциональному увеличению продукции, а наоборот – уменьшали предельную отдачу на единицу труда [Geertz, 1963, p. 79].

Применение концепции «инволюции сельского хозяйства» К. Гирца к аграрному обществу Китая было начато китайским ученым Хуан Цзунчжи (黄宗智) во второй половине 1980-х гг. Именно он ввел не только концептуальное понятие инволюции в китайскую науку, но и предложил иероглифическое обозначение – 内卷 (нэйцзюань). Иероглиф 内 (nèi) означает «внутренний, изнутри», а 卷 (juǎn) – «получать, захватывать, установить свою власть, завладеть». Данное сочетание иероглифов может трактоваться как внутреннее желание к овладению или получению чего-либо. В своих работах Хуан показал, что в последние несколько столетий в сельском Китае существует «инволюция сельского хозяйства» (农业内卷化). Им было замечено, что мелкое сельское производство не трансформировалось в крупное со времен династии Мин (1368–1644 гг.). Более того, крупные производства в сельской местности были заменены мелкими хозяйствами. Открытие Китая в XIX в. и включение его в международные торговые отношения усилило интенсификацию и шаблонность аграрного производства, что стало базой для мелкого кустарного производства, противостоящего промышленности и модернизации. В связи с этим Хуан Цзунчжи в своих работах показал, что традиционная сельскохозяйственная экономика Китая не имела возможности трансформироваться за счет собственных внутренних изменений [Хуан, 1986; 1992].

В Китае с начала 1990-х гг. понятие инволюции начало постепенно переходить в сферу социальных отношений и стало обозначаться в двух вариантах – как явление (内卷 – нэйц-

зюань) и как процесс (内卷化 – нэйцзюаньхуа), и полностью было принято в общественный дискурс в 2017 г. При сохранении иероглифического написания инволюция в китайском общественном измерении стала пониматься как социальная инволюция.

Современное состояние инволюции в ее социальном измерении начало усиливаться в китайском обществе с реализацией Политики реформ и открытости в 1979 г. За период с 1982 по 2005 гг. внутренняя ученная миграция в Китае составила приблизительно 332,3 млн человек [Chan, 2013, p. 72]. В эти годы происходил отток населения из сел в большие развивающиеся города и многочисленные пригороды, в особенности в развитые восточные и юго-восточные провинции. Сельские мигранты, приезжавшие в города, привозили с собой поведенческую модель бытового и трудового уклада, которая встраивалась в социальные и культурные отношения в городах и стала оказывать существенное влияние на трудовые, семейные, межличностные и иные отношения. Особенностью данной модели, как отмечал Хуан Цзунчи, является стремление обрести материальный достаток, на достижение которого уходит много времени и усилий [Хуан, 2020]. Более того, происходило копирование модели успешной социальной реализации индивида другими членами общества, что считалось образцом жизненной стратегии. Среди успешных моделей в рамках социальной инволюции в современном Китае считаются цзюаньван (卷王)¹ и цзюаньин (卷赢)².

Среди причин социальной инволюции в Китае учеными были указаны две основополагающие. Во-первых, закристаллизовавшийся социокультурный и психологический механизм. Социальная инволюция – результат непрерывного самовоспроизведения социальной системы. Причем в обществе воспроизводится большое количество парадоксов по типу «рост без развития» и «прогресс без гармонии», и эти парадоксы распространяются беспорядочно и являются неэффективными, приводящими к инволюции. Во-вторых, отсутствие интеграции социальных групп. Группы замыкаются на самих себя, воспроизводя бытовой и трудовой уклад [Zhao, Zhu, 2019, p. 564].

Как видно из исследований, которые были проведены китайскими и американскими учеными, инволюция в Китае является исторически сформированным явлением. Отсюда можно полагать, что оно глубоко встроено в социальные процессы современного китайского общества и оказывает на него существенное влияние.

МЕХАНИКА ИНВОЛЮЦИИ

Рассматривая феномен инволюции в Китае, стоит выделить несколько основополагающих черт, которые обуславливают поведенческие установки современного общества Китая. Китайские исследователи выделяют следующие:

1. Сверхусилие. Деятельность в рамках такой модели приводит к затрате больших физических и эмоциональных ресурсов человека. В связи с этим в Китае появился синоним нерациональной конкуренции – внутренний конфликт или трение, внутренний износ 内耗 (нэйхао). Отсюда и состояние общества Китая, которое называет себя уставшим.

Социальные опросы показали, что среди причин усталости китайцы выделяют следующие: большое внимание значению своей должности и карьерным амбициям, пос-

¹ Цзюаньван 卷王 (дословно: король инволюции) – человек, который, благодаря своему усердию и труду, добился высоких результатов и стал эталоном для остальных.

² Цзюаньин 卷赢 (дословно: победитель инволюции) – человек, который, благодаря определенным обстоятельствам, добился высоких результатов и теперь может не продолжать конкуренцию внутри общества. Частыми примерами такой модели являются рантье, у которых в собственности находятся несколько квартир в престижных районах города, приносящие высокий ежемесячный доход.

тоянное размышление о деньгах и способах заработка, постоянная перепродажа жилья в поисках лучшего места, нет возможности избавиться от состояния постоянной готовности к действию, постоянно следят за поддержанием своего имиджа и статуса в обществе, забота о детях. Однако реальной причиной усталости, по мнению профессора Пекинского педагогического университета Цзинь Шэнхуа, является погоня за деньгами, потому что современное китайское общество сформировало ценность денег, на которой строится оценка личности и в которой люди ищут основу своей реализации, решение всех бытовых и личных вопросов [Цзинь, 2011].

2. Малые результаты. В условиях ограниченности ресурсов и большой плотности населения достижение внушительных результатов чрезвычайно затруднительно. Однако в Китае очевидные трудности пытаются решить с помощью популяризации таких социальных установок как «996» (работа с 9 утра до 9 вечера, 6 дней в неделю) или «007» (работа с полуночи до полуночи, 7 дней в неделю, или 0 дней выходных, 0 дней отпуска, работа 7 дней подряд). Модель «996» получила активное развитие среди больших китайских компаний в 2010-е гг. и стала негласной культурой сверхурочной работы. В рамках соблюдения такой модели на работе нанятый сотрудник надеется на повышение и карьерный рост. Из-за несоблюдения этой трудовой модели руководству компаний приходится увольнять персонал. Более того, в компаниях изначально без модели «996» предлагаются низкие зарплаты, что автоматически обязывает работника к сверхурочной работе, чтобы заработать больше и продвигаться по карьерной лестнице. Но уровень зарплат при сверхурочной работе не является большим по меркам Китая, особенно для молодежи [Юй, 2021].

3. Шаблонность. Китайские ученые описали данную особенность с позиции психологии через необходимость человека добывать пищу. Добыча пищи как повторяемое действие циклична и понятна. Такая модель поведения легко может быть переложена на современное общество Китая, где цикличность поведения связана с зарабатыванием денег и обретением материальных благ и ресурсов. Шаблонность не только исключает изменение модели поведения, но и будет повторять существующую модель [Kang, Jin, 2020, p. 16–17].

4. Конкуренция. По мнению профессора университета Цинхуа Чжао Динци, при условии шаблонности поведения и ценностей в современном китайском обществе неизбежно возникает и усиливается конкуренция, цель которой добиться большей прибыли и больших ресурсов. Такая конкуренция получила название «игра в спешку» (赶工游戏). Изначально такой тип конкуренции формировался на заводах или в офисах, но постепенно стал проникать в сферу образования, провоцируя студентов вступать в борьбу друг с другом [Чжао, 2020].

5. Нерациональное потребление. Данную особенность достаточно остро обсуждают в обществе и СМИ Китая. Нерациональное потребление относится к необоснованным решениям, принимаемым потребителями под влиянием различных факторов, или потребление без учета ограничений дохода. Эксперты заметили, что большая часть нерациональных покупок основана на нездоровой потребительской психологии, среди которой особенно выделяется психология синхронизации. Синхронная психология, что также называется психологией сравнения, обуславливает людей одного социального класса или среды обитания учиться друг у друга в потребительском поведении. Это привело к тому, что часть китайского населения, рожденного в 1990-х и 2000-х гг., стала представлять основную силу потребления. На него приходится 49,3 % всего потребления в стране. А потребительская закредитованность на 2021 г. тех, кто родился в 1990-е гг., составляла примерно 86,6 % [Ли, 2021].

Среди рассмотренных аспектов можно выделить ключевую особенность, которая напрямую или косвенно связана с остальными, – шаблонность. Очевидно, что именно она

оказывает существенное влияние на процессы инволюции в Китае и является ее основным элементом. Повторяемость поведения при столь большом количестве населения привела к развитию социальной инволюции.

Китайское общество, используя шаблонность, обусловленную конкуренцией и сверхусилием, добивается ограниченных ресурсов и денег. А в качестве обратного эффекта получает возможность использовать скромные результаты труда для нерационального потребления. Таким образом, данная схема замыкается и самовоспроизводится.

Важным элементом в понимании функционирования инволюции является движущая сила, которая заставляет социальные классы ее воспроизводить. На этот вопрос исчерпывающе ответил британский социолог З. Бауман при описании общества потребления. Анализируя труды по данной тематике, он обозначил потребление как борьбу за респектабельность, которая основана на сравнениях, у которой нет окончательного успеха и которая может длиться вечно. Основой респектабельности служат социальные позиции, которые и являются истинными смыслами в конкуренции. Число социальных позиционных различий бесконечно, а сами эти различия формируются в процессе конкуренции. Выигрыши от конкуренции одних не уменьшают шансы других и к тому же стимулируют их к направленным и большим усилиям [Бауман, 2021, с. 111–112].

Понимая механику инволюции, стоит сказать, что данная модель призвана поддерживать стабильную и предсказуемую форму поведения индивидов внутри государства. Более того, она может привести к такому состоянию общества, где нет альтернативных моделей поведения.

Рассмотрев особенности и проявления инволюции, можно сформулировать более емкое понятие данного феномена. Инволюция как социальное явление представляет собой замкнутость и повторение общественно-одобренных моделей поведения ради достижения ограниченных ресурсов с целью обозначения, сохранения и усиления социальной позиции.

ИНВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

В настоящее время китайское школьное и высшее образование является сферами, где наиболее выражено реализуется инволюционная модель. Школьное образование в сельской местности полностью направлено на поддержание социальной инволюции, где цель каждого школьника – сдать выпускной экзамен, чтобы перебраться в город. А учителя и родители школьников делают все возможное, чтобы школьники вступали в конкуренцию за высокие баллы на выпускных экзаменах. Делаются прогнозы, что из-за инволюции в системе сельского школьного образования численность сельского населения в Китае к 2050 г. сократится до 20 % [Юй, Чжу, 2010, с. 51].

В городских школах Китая также проявляется инволюция. В последние годы все более заметными стали семейно-школьные конфликты, вызванные родительскими группами. За противоречиями в родительской группе стоит изменение отношений между домом и школой под влиянием инволюции. Инволюция в сфере образования – это постоянное увеличение трудоемкости обучения в системе образования для увеличения роста успеваемости, но эффективность и результаты обучения существенно не улучшаются. Причина, по которой отношения между школой и домом достигли такой ситуации, заключается не только в смещении школьного образования и семейного воспитания, но и в тесной связи с чрезмерной и беспорядочной образовательной конкуренцией. На самом деле многие родительские группы стали инструментами для учителей, чтобы ставить «задачи» родителям. Проблемы, выявленные многими родительскими сообществами, не созданы ими, а рождены системой школьного образования. Нынешняя тенденция в конкуренции за высшее

образование привела к повышению рабочей нагрузки учителей, а учителя, в свою очередь, стали перекладывать избыточное давление на родителей, чтобы не дать детям проиграть в конкуренции [Сюй, 2021, с. 59].

По мнению Хуан Цзунчжи, большинство школ заставляют учащихся прилагать все больше усилий для сдачи экзаменов, чтобы улучшить средние результаты школьных тестов и оценку. Отсутствие инноваций в системе образования и ориентация на тестирование приводит к инволюции [Хуан, 2020].

Влияние нерациональной конкуренции ощущает на себе профессорско-преподавательский состав (ППС) китайских вузов. С 2014 г. один из ключевых университетов провинции Чжэцзян стал вводить систему эффективности для преподавателей, получившую название «продвигайся или уходи» (非升即走), в рамках которой перед ППС ставились достаточно четкие цели, которые должны быть достигнуты к определенному сроку. Итогом такого новшества в 2014 г. стало понижение в должности 8 профессоров, 28 доцентов и 80 преподавателей. В 2020 г. данная система стала применяться в университетах Пекина и провинциях Хэбэй, Цзянси, Хэнань и других.

С введением такой системы эффективности существенно увеличилась нагрузка на ППС, выраженная в статьях, отчетных документах, конференциях. Появились другие системы оценки ППС, такие как «публикуйся или уходи» (不发表, 就出局), «увольнение худшего сотрудника» (末位淘汰制). Китайские исследователи отмечают, что привлекательность академической карьеры постепенно ослабевает, а конкурентное давление и интенсивность труда быстро возрастают, но, при этом, результативность увеличилась незначительно. В настоящее время уход из академической среды является не только «жестом отчаяния» для многих докторантов, но и тщательно продуманным «самоспасением», так как понижение в статусе приводит к случаям глубокой депрессии и даже самоубийствам. Если раньше, в 2010-е гг., статус, зарплата и безбедная старость были главными выгодами для начала академической карьеры, то в настоящее время многие аспиранты выражают сомнение в продолжении карьеры в университете [У, Дуань, 2024, с. 40].

Нельзя отрицать, что с точки зрения мотивации ППС к достижению результатов принцип «продвигайся или уходи» имеет свою положительную сторону и может исключить некоторых сотрудников, которые с низкими результатами занимают преподавательские позиции. Но, с другой стороны, развитие науки – это долгосрочная работа, и многие комплексные исследования сложно выполнить за короткий период времени.

Введение инволюционной политики в отношении ППС вузов Китая стало активно обсуждаться как в медиа, так и в научном дискурсе. Остро встал вопрос о стратегии преподавателей в новых условиях. В ответ на это стали появляться научные статьи, рассматривающие карьерные и поведенческие стратегии и призванные снизить уровень тревожности и напряжения среди ППС. К примеру, в статье ученого из города Ухань Се Шанчжэня приводятся конкретные шаги в новых условиях, среди них: обозначить цель, составить план развития, укрепить отношения с наставниками и коллегами, понять требования и особенности педагогической профессии [Се, 2023, с. 6870].

МОЛОДЕЖЬ В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Инволюция затронула межпоколенческие отношения в Китае и вызвала широкие обсуждения в обществе. Стоит заметить, что инволюция превратилась в специфическую форму социального гнета китайской молодежи в школе, университете и на рынке труда. Среди молодого поколения Китая в последние годы начал формироваться ответ на социальную инволюцию, проявленный через протестное поведение, получившее название «принять го-

ризонтальное положение» или «лежать ровно» (躺平 – танпин). Это молодежное движение стало активно распространяться с мая 2021 г., когда в китайской сети была опубликована статья под названием «Лежать ровно – это справедливость». В статье рассказывалось про жизнь блогера, который не стал участвовать в социальной конкуренции и существенно сократил потребление после двух лет безработицы [Тань, 2023, с. 2674].

Цель данного движения – выход китайской молодежи из острой социальной конкурентной борьбы и переосмысление жизненных ценностей. Оно было отрицательно принято старшим поколением, так как не способствует развитию и процветанию страны. Однако китайские эксперты говорят, что эта тенденция будет сохраняться, хотя и не встраиваться в единственную одобренную поведенческую модель китайского общества [Пан, 2021].

В китайском научном дискурсе существует постмодернистская позиция, объясняющая поведенческую модель «лежания ровно» и ее популярность среди молодежи. Поведение молодого поколения рассматривается через призму субкультуры, которая активно распространяется посредством новых медиа и противопоставляется инволюции. Считается, что субкультура «лежания ровно» продолжает традиции других подобных движений³. Основной фокус молодежи направлен на обретение идентичности, которая стирается в острой социальной конкуренции. Важной составляющей ее обретения является концентрация на состояниях личности, иной интерпретации социальной реальности, формирование сообществ, разделяющих ценности субкультуры [Ань и др., 2023, с. 92].

В 2021 г. на платформе Вэйбо новостной сервис Toutiao (头条新闻) провел опрос о «лежании ровно», в котором приняло участие 241 тыс. респондентов, из них 104 тыс. поддержало эту идею. В том же году платформа Вэйбо провела новый опрос, который просмотрело 540 млн человек. Его результаты показали, что 61,1 % поддержал идею «лежать ровно» и только 7,13 % предпочли усердно работать [Коу, 2024, с. 70]. Также исследования продемонстрировали, что некоторая часть молодежи Китая после пандемии Covid-19 потеряла рабочие места, вследствие чего ей пришлось искать более стабильную работу в больших компаниях, где она сталкивается с более сильной конкуренцией со специалистами [Guo et al., 2025]. Высокая конкуренция на рабочих местах делает идею «лежать ровно» привлекательной, но такое поведение могут позволить себе лишь немногие.

ИНВОЛЮЦИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Феномен инволюции имеет культурные основы, так как он прочно вплетен в культурно-социальную ткань китайского общества. Рассматривая вопрос, каким образом произошло встраивание инволюции в китайское общество, стоит обратить внимание на концепцию «лица».

Понятие «лица» в конфуцианском обществе играет важнейшую роль в межличностном взаимодействии. Доктор психологии Университета Гонг Конга Дэвид Хо соглашался с китайским писателем Линь Юйтанем, что «лицо» наиболее тонкий стандарт, которым регулируются китайские социальные отношения и который невозможно четко определить. Погоня за «лицом» часто является основой жизни многих китайцев [Ho, 1976, p. 867].

Если рассматривать концепт «лица» в его значениях для китайского общества и культуры, то он имеет много трактовок. Однако в одном из значений «лицо» рассматривается как источник деловых качеств [Zhang et al., 2011, p. 113]. То есть социальный статус человека напрямую связан с «лицом», его поддержанием на должном уровне или его возвышением. Как отметил канадский социолог и психолог И. Гоффман, чтобы социальные взаимодей-

³ Среди таких субкультур можно отметить «культуру траура» (喪文化), «культуру равнодушия» (佛系文化), японскую культуру «отаку» и британскую NEET (Not in Education, Employment or Training).

ствия проходили гладко и эффективно, люди, участвующие во взаимодействиях, должны создавать минимально приемлемые публичные образы самих себя, а также помогать другим людям в поддержании их социальной идентичности [Goffman, 1955, p. 213]. На концептуальном уровне «лицо» описывается как заявленное чувство благоприятной социальной самооценки [Zhang et al., 2011, p. 113]. Данные взгляды совпадают с уже указанным явлением социальной позиции, описанной З. Бауманом, которая является движущей силой инволюции. Таким образом, погоня за социальной позицией в Китае связана с «лицом» и его демонстрацией. Демонстрация в этом случае не связана с внутренним удовлетворением, а сопряжена с социальным признанием, так как в китайском обществе коллективное превалирует над индивидуальным. В этом случае погоня за «лицом» является формированием положительной социальной самооценки для китайцев.

Социальная инволюция с культурной точки зрения имеет достоинства и недостатки. Если поднять вопрос об особенностях, которые обеспечивает инволюция как культурная особенность Китая то можно выделить следующие: во-первых, наличие инволюции в китайском социуме обеспечивает культуру устойчивого социального поведения и стабильность [Ли, 2023, с. 19]. Постоянная повторяемость социального поведения обуславливает предсказуемость социума и возможность эффективного управления, что особенно важно при большом населении. В связи с этим практически тридцать лет Китаем реализуется политика «сохранения стабильности» (维稳体制)[Feng, 2013]. Во-вторых, гарантирует повторяемость культурных форм. С одной стороны, это способствует сохранению и передаче традиционных китайских культурных и поведенческих норм последующим поколениям. Сохраняются диалекты, традиционные обряды и философские системы. Здесь стоит обратить внимание на конфуцианские каноны, на которых начала выстраиваться внутренняя политика Китая со времен Дэн Сяопина [Zi, 1987, p. 448]. С другой стороны, повторяемость и сохранность культурных традиций может привести к пережиткам, к которым относят патриархат и гендерные вопросы [Lee, 1999, p. 25]. В-третьих, шаблонность социального и культурного приводит к тому, что в китайском обществе устанавливается не только определенный тип поведения, но и тип культурного мышления, которое встраивается в современную социальную систему. Это исключает нешаблонное мышление, которое ведет к новациям и открытиям в разных областях науки и искусства. Наличие шаблонности привело к тому, что Китай стал направлять студентов на обучение в зарубежные вузы для перенимания передового опыта и формирования творческих кадров. По окончании обучения часть студентов и молодых ученых возвращается в Китай, где продолжает работать в научной сфере [Cao et al., 2020, p. 175]. Но это существенно замедляет формирование ученой среды, тем более талантливые молодые ученые часто остаются работать в западных университетах. Китайское правительство также стало формировать поток в страну иностранных высококвалифицированных кадров, чтобы сформировать университетскую систему мирового уровня, в частности была введена специальная программа «План привлечения тысячи молодых талантов» (年千人划) в 2011 г. Целью данной программы является формирование Китая как глобальной технологической державы за счет привлечения иностранных ученых [Чэн, Сюй, 2019, с. 168].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен инволюции широко и комплексно представлен во многих сферах социальных отношений современного Китая. С одной стороны, в современных китайских СМИ показаны оценки экспертов, которые достаточно негативно относятся к инволюции. Основная мысль состоит в том, что инволюция останавливает процессы развития общества, образования и

государства в целом. Затрудняется переход Китая как государства на новый качественный уровень развития. Указываются пережитки и парадоксы современного китайского общества как сугубо негативные явления, которые усложняют жизнь современных китайцев.

С другой стороны, механизм инволюции сохраняет культурные традиции китайцев, обряды и праздники. Она также выполняет большую роль в сохранении социальной стабильности, что немаловажно для государства с большим населением. Благодаря инволюции поддерживаются, изучаются и разрабатываются древние конфуцианские и даосские учения [Zhu, 2018], на основе которых создаются новые философские системы с последующим внедрением в политические и социальные институты.

Несмотря на критику инволюции, данное явление основательно включено в межличностные отношения в Китае. Оно стало глубинной моделью китайского общества и было сформировано исторически. Процесс выхода из данной модели как из базовой социальной парадигмы потребует достаточно больших временных затрат и смены нескольких поколений. Но самый главный вопрос заключается в предложении новой модели для китайского общества и ее основах. Необходимо, чтобы она отвечала не только государственным задачам, но встраивалась в культурно-психологический комплекс китайцев, в их ценностную картину мира и культурные традиции.

На сегодняшний день инволюция остается еще в полной мере неизученной. Исследование данного феномена должно дать более глубокое понимание процессов в китайском обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ань Лили (安利利), Тянь Е (田 晔), Ван Цзинин (王晶莹). Дасюэшэн «танпин» сяньсян дэ довьэ жэчжи цзисин вэй шицзянь (Многомерная познавательная и поведенческая практика феномена «лежания ровно» студентов (大学生“躺平”现象的多维认知及行为实践). *Шэньчжэнь шэхуэй кэсюэ* (Шэньчжэньские социальные науки (深圳社会科学), 2023. Т. 6. № 6. С. 89–100 [An Lili, Tian Ye, Wang Jingying. Daxuesheng “tangping” xianxiang de duowei renzhi jixing wei shijian (Multidimensional Cognition and Behavioral Practice of College Students’ “Lying Flat” Phenomenon). *Shenzhen shehui kexue* (= *Shenzhen Social Sciences*). 2023. Vol. 6. No. 6. Pp. 89–100 (in Chinese)]).

Бауман З. *Свобода*. Москва: Новое издательство, 2021 [Bauman Z. *Freedom*. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2021 (Russian translation)].

Кой Юйцзе (寇钰婕). Синци, жэньтун юй чаоюэ: синьшидай циньянь танпин сяньсян дэ шэнчэн юй шудао цзлюэ (Восхождение, признание и превосходство: возникновение современного молодежного феномена «лежать ровно» и стратегии решения этой проблемы (兴起、认同与超越：新时代青年躺平现象的生成与疏策策略). *Шэхуэй кэсюэ цяньянь* (Переовая социальная наука (社会科学前沿)). 2024. № 13 (9). С. 67–76 [Kou Yujie. Xingqi, rentong yu chaoyue: xinshidai qiannian tangping xianxiang de shengcheng yu shudao celue (Emergence, Recognition and Transcendence: The Generation and Steering Strategy of the Youth Laying Flat Phenomenon in the New Era). *Shehui kexue qianyan* (= *Frontiers of Social Sciences*). 2024. No. 13 (9). Pp. 67–76 (in Chinese)].

Ли Хайянь (李海颜). Иньхан сяофэй дай дэ цзянси юй «нэйцзюань». (Снижение банковских процентных ставок по потребительским кредитам и «инволюция») (银行消费贷的降息与“内卷”). *Бэйцзин шанбао* (Пекинская деловая газета) (北京商报). 28.12.2023 [Li Haiyan. Yinhang xiaofei dai de jiangxi yu “neijuan” (Interest rate cuts in bank consumer loans and “involution”). *Beijing shangbao* (= *Beijing Business Daily*). 28.12.2023 (in Chinese)].

Ли Хунцзюнь (李红军). Фэйлисин чаоцянь сяофэй бу кэчу (Иррациональное чрезмерное потребление нецелесообразно (非理性超前消费不可取). *Цзинцзи жибао* (Экономический ежедневник (经济日报)). 2021 [Li Hongjun. Feilixing chaoqian xiaofei bu kequ (Irrational over-consumption is

not advisable) *Jingji ribao* (= *Economic Daily*). 27.10.2021 (in Chinese)]. http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/202110/27/t20211027_37031335.shtml (accessed: 24.06.2025).

Лю Ягуан (刘亚光). Нэйцзюань, дагунжэнь, фаньэрсай: ванлу люсинюй хайнэн фой гоулэ вомэнь дэ шэнцунь? (Инволюция, работяги, имитация отсутствия хвастовства: могут ли модные слова интернета отражать нашу жизнь? (内卷、打工、凡尔赛：网络流行语还能勾勒我们的生存?) *Синцзинбао* (Новая пекинская газета (新京报)). 2020 [Liu Yaguang. Neijuan, dagongren, fanersai: wangle liuxingyu haineng fou goule women de shengcun (Involution, working people, humblebrag: Can Internet buzzwords still outline our existence?). *Xinjingbao* (= *New Beijing paper*). 14.12.2020 (in Chinese)]. <https://www.bjnews.com.cn/detail/160792248815610.html> (accessed: 02.03.2025).

Пан Чжюэ (庞秋月). «Нэйцзюань» «танпин»: Чжунго няньцин идай дэ синь шэнхо гуань («Инволюция», «лежать ровно»: новый взгляд на жизнь молодого поколения Китая. («内卷»“躺平”: 中国年轻一代的新生活观). *Чжунго жибао* (Китайский ежедневник (中国日报)). 2021 [Pang Zhiyue. “Neijuan”, “tangping”: Zhongguo nianqing yidai de xin shenghuo guan. (“Involution”, “Lying flat”: China’s young generation’s new outlook on life). *Zhongguo ribao* (= *China Daily*). 2021. (in Chinese)]. <https://cn.chinadaily.com.cn/a/202109/01/WS612f23e4a3101e7ce97616bd.html> (accessed: 17.02.2025).

Се Шанчжэнь (谢尚珍). Нэйцзюань шидай ся: жухэ цун боши цзинькуай чжуаньбянь вэй хэгэ циньянь цзюаши (Эпоха инволюции: как можно быстрее превратиться из доктора философии в квалифицированного молодого преподавателя (内卷时代下，如何从博士身份尽快转变为合格青年教师). *Цзюаюй цзиньчжань* (Образовательный прогресс (教育进展)). 2023. Т. 13. № 9. С. 6868–6871 [Xie Shangren. Neijuan shidai xia: ruhe cong boshi jinkuai zhuanbian wei hege qingnian jiaoshi (In the era of involution, how to quickly transform from a doctoral degree to a qualified young teacher. *Jiaoyu jinzhhan* (= *Educational Progress*). 2023. Vol. 13. No. 9. Pp. 6868–6871 (in Chinese)].

Сюй Инцзинь (徐英瑾). Шуцзы байуцзяо: «нэйцзюань» дэ бэньчжи (Цифровой фетишизм: природа «инволюции» (数字拜物教：“内卷化”的本质). *Таньсо юй чжэньмин* (Исследования и дебаты (探索与争鸣)). 2021. № 3. С. 57–65 [Xu Yingjin. Shuzi baiwujiào: “neijuan” de benzhi (Digital Fetishism: The Essence of “Involution”). *Tansuo yu zhengming* (= *Research and Debates*). 2021. No. 3. Pp. 57–65 (in Chinese)].

Тань Лицзе (谭丽捷). Цун «нэйцзюань» дао «танпин»: циньянь шэхуэй синьтай бяньцянь дэ чэньинь фэньси (От «инволюции» к «лежанию»: анализ причин изменения социального менталитета молодежи (从“内卷”到“躺平”：青年社会心态变迁的成因分析). *Шэхуэй кэсюэ цяньянь* (Передовая социальная наука (社会科学前沿)). 2023. Т. 12. № 5. С. 2672–2677 [Tan Lijie. Cong “neijuan” dao “tangping”: qingnian shehui xintai bianqian de chengyin fengxi (From “Involution” to “Lying Flat”: An Analysis of the Causes of Changes in the Social Mentality of Young People. *Shehui kexue qianyan* (= *Frontiers of Social Sciences*). 2023. Vol. 12. No. 5. Pp. 2672–2677 (in Chinese)].

У Сяо (吴肖), Дуань Синьсин (段鑫星). Бошишэн сюэшу чжичу пяои дэ чэньинь юй фуэй – цзийюй «туйсюэ боши» сяоцзу дэ ванло миньцзу чжи каоча (Начало и окончание карьеры докторантов с меняющимися академическими интересами – онлайн-этнографическое исследование на основе группы «выбывших докторов философии» (博士生学术志趣漂移的成因与复位 — 基于“退学博士”小组的网络民族志考察). *Яньцзюшэн цзюаюй яньцзю* (Последипломное изучение и исследования (研究生教研究)). 2024. № 3. С. 34–44 [Wu Xiao, Duan Xinxing. Boshisheng xueshu zhiqiu piaoyi de chengyin yu fuwei – jiyu “tuixue boshi” xiaozu de wangluo minzu zhi kaocha (The Causes and Resetting of the Drift of Doctoral Students’ Academic Inclination – An Online Ethnographic Investigation on the “Drop-out Doctoral Student” Group). *Yanjiusheng jiaoyu yanjiu* (= *Postgraduate Teaching and Research*). 2024. No. 3. Pp. 34–44 (in Chinese)].

Хуан Цзунчжи (黄宗智). Хуабэй дэ сяонун цзинци юй шэхуэй бяньцянь (Мелкие крестьянские хозяйства и социальные изменения в Северном Китае (华北的小农经济与社会变迁)). Бэйцзин: чжунхуа шуцзюй (Пекин: Издательство Чжунхуа (北京:中华书局)), 1986 [Huang Zongzhi. *Huabei de xiaonong*

jingji yu shehui bianqian (The Peasant Economy and Social Change in North China). Beijing: Zhonghua shuju, 1986 (in Chinese)].

Хуан Цзунчжи (黄宗智). *Цзянсаньчжоу дэ сяонун цзятин юй сянцун фачжань (Мелкие крестьянские домохозяйства и развитие сельских районов в дельте реки Янцзы (江三洲的小农家庭与乡村发展))* Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй (Пекин: Издательство Чжунхуа (北京:中华书局)), 1992 [Huang Zongzhi. *Jiangsanzhou de xiaonong jiating yu xiangcun fazhan (Smallholder Farmers and Rural Development in the Yangtze River Delta)*. Beijing: Zhonghua shuju, 1992 (in Chinese)].

Хуан Цзунчжи (黄宗智). Хуан Цзунчжи хуэйин: цзай лунь нэйцзюаньхуа, цзянь лунь чу нэйцзюаньхуа (Хуан Цзунчжи отвечает: снова об инволюции, и одновременно о прохождении инволюции (黄宗智回应: 再论内卷化, 兼论去内卷化)). *Пэнпай синьвэнь (澎湃新闻)*. 2020 [Huang Zongzhi. Huang Zongzhi huiying: zai lun neijuanhua, jian lun qu neijuanhua. (Huang Zongzhi Responds: One More Time About Involution and Again About Passing Involution). *Pengpai xinwen*. 2020 (in Chinese)]. https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_9722049 (accessed: 22.06.2025).

Цзинь Шэнхуа (金盛华). Цзинь Шэнхуа: Чжунго жэнь вэйшэньмэ ходэ чжэмэ лэй? (Цзинь Шэнхуа: Почему китайцы живут такими уставшими? (金盛华: 中国人为什么活得这么累?) *Синьлан ван (新浪网)*. 2011 [Jin Shenghua. Jin Shenghua: Zhongguo ren weishenme huode zHEME lei? (Jin Shenghua: Why do Chinese people live such a tiring life?). *Xinlang wang*. 17.06.2011 (in Chinese)]. <http://news.sina.com.cn/pl/2011-06-17/152122659745.shtml> (accessed: 20.01.2025).

Чжао Динци (赵丁琪). Нейцзюань, цзясую юй дандай Чжунго шэхуэй дэ «ганьгун юси» (Инволюция, ускорение и современное китайское общество «игры в спешку» (内卷、加速与当代中国社会的“赶工游戏”)). *Пэнпай синьвэнь (澎湃新闻)*. 2020 [Zhao Dingqi. Neijuan, jiasu yu dangdai Zhongguo shehui de “ganging youxi” (Involution, acceleration and the contemporary Chinese society of “rush game”). *Pengpai xinwen*, 2020 (in Chinese)]. https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_10416871 (accessed: 26.05.2025).

Чэн Хаоцзе (程豪杰), Сюй Вэнь-тао (徐文涛). «Циннянь цянжэнь цзихуа» сяню хоцзычжучжэ жусюань цяньюу сюэшу инсян ли пинцзя: цзюй 2013 нянь хуасюэ линюй хоцзычжучжэ дэ аньли яньцзю (Оценка академического влияния победителей проекта «План привлечения тысячи молодых талантов» до и после отбора: на основе тематических исследований грантополучателей по химии в 2013 г. («青年千人计划»项目资助者入选前后学术影响力评价:基于2013年化学领域资助者的案例研究). *Чжунго кэсюэ цзицзинь (Китайский научный фонд (中国科学基金))*. 2019. № 2. С. 168–175 [Cheng Xiaojie, Xu Wentao. “Qingnian qianren jihua” xiangmu huozizhuzhe ruxuan qianhou xueshu yingxiang li pingjia: jiyu 2013 nian huaxue lingyu huozizhuzhe de anli yanjiu (Evaluation of the academic influence of the “Youth Thousand Talents Program” project grantees before and after selection: a case study based on the grantees in the field of chemistry in 2013). *Zhongguo kexue jijin (= Chinese Scientific Foundation)*. 2019. No. 2. Pp. 168–175 (in Chinese)].

Юй Чжанын (余湛奕). «996» «007» цзябань вэньхуа цзайинь жи. Шэй лай баоху чжичан «дагунжэнь» цянйи (Культура сверхурочной работы «996» и «007» снова горячо обсуждается. Кто будет защищать права и интересы «работяг» на рабочем месте? («996”“007”加班文化再引热议。谁来保护职场“打工”人权益?). *Синьхуа ван (Сеть Агентства Синьхуа (新华网))*. 2021 [Yu Zhanyi. The “996” and “007” overtime culture has sparked heated debate again. Who will protect the rights and interests of “workers” in the workplace? *Xinhua wang*. 2021 (in Chinese)]. http://www.xinhuanet.com/fortune/2021-01/08/c_1126958362.htm (accessed: 30.05.2024).

Юй Цуйцуй (于翠翠), Чжу Чэнкэ (朱成科). Нунцунь цзичу цзююй пэйян мубяо «нэйцзюаньхуа» цзеси (Анализ «инволюции» как цели сельского базового образования (农村基础教育培养目标“内卷化”解析). *Сяндай цзююй гуанли (Управление современным образованием (现代教育管理))*. 2010. № 3. С. 50–53 [Yu Cuicui, Zhu Chengke. Nongcun jichu jiaoyu peiyang mubiao “neijuanhua” jixi (Analysis of the “involution” of rural basic education training objectives). *Xiandai jiaoyu guanli (= Management of Contemporary Education)*. 2010. No. 3. Pp. 50–53 (in Chinese)].

- Cao C., Baas J., Wagner C.S., Jonkers K. Returning scientists and the emergence of China's science system. *Science and Public Policy*. 2020. Vol. 47. No. 2. Pp. 172–183.
- Chan K.W. China: internal migration. *The Encyclopedia of Global Human Migration*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2013. Pp. 67–72.
- Feng Chongyi. The Dilemma of Stability Preservation in China. *Journal of Current Chinese Affairs*. 2013. Vol. 42. No. 2. Pp. 3–19.
- Goffman E. On face-work: An analysis of ritual elements in social interaction. *Psychiatry*. 1955. Vol. 18. No. 3. Pp. 213–231.
- Goldenweiser A. Ends of a Theory on the Individual Pattern and Involution in Primitive Society. *Essays in anthropology presented to A.L. Kroeber*. Berkeley: University of California Press Ltd., 1936. Pp. 99–104.
- Goldenweiser A. *Anthropology: An Introduction in Primitive Culture*. London: George G. Harrap & Co. Ltd., 1937.
- Geertz C. *Agricultural Involution: The Process of Ecological Change in Indonesia*. Berkeley: University of California Press Ltd., 1963.
- Guo Y., Xu Z., Ding H., Wang C., Peng X., An Y., Wang J., Hu W., Li S., Hui Z., Xia W. The experience and influence of youth in China in coping with stressful life events during the post-COVID-19 pandemic era: a qualitative study. *BMC Public Health*. 2025. Vol. 25. No. 1421.
- Ho D.Y. On the Concept of Face. *American Journal of Sociology*. 1976. Vol. 81. No. 4. Pp. 867–884.
- Kang Lei, Jin Yeyao. A Review of Involution and its Psychological Interpretation. *Filozofia Publiczna i Edukacja Demokratyczna*. 2020. Vol. 9. No. 1. Pp. 7–28.
- Lee Sangwha. The Patriarchy in China: An Investigation of Public and Private Spheres. *Asian Journal of Woman's Studies*. 1999. Vol. 5. No. 1. Pp. 9–49.
- Zhang X., Tian P., Grigoriou N. Gain face, but lose happiness? It depends on how much money you have. *Asian Journal of Social Psychology*. 2011. Vol. 14. No. 2. Pp. 112–125.
- Zhao Bo, Zhu Jingwei. Research Review on Involution. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2019. Vol. 351. Pp. 562–565.
- Zhu Hanmin. Neo-Daoism and Neo-Confucianism: Three Common Themes. *Journal of Chinese Philosophy*. 2018. Vol. 45. No. 1–2. Pp. 119–124.
- Zi Zhongyun. The Relationship of Chinese Traditional Culture to the Modernization of China: An Introduction to the Current Discussion. *Asian Survey*. 1987. Vol. 27. No. 4. Pp. 442–458.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАЖИНСКИЙ Станислав Витальевич –
кандидат исторических наук, доцент
департамента политологии и международных
отношений НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург,
Россия.

Stanislav V. MAZHINSKY, PhD (History),
Associate Professor, Department of Political
Science and International Relations, HSE
University, Saint Petersburg, Russia.